

УДК 94 (47) «17/1917»

**О.Г. Фирсова,
Д.П. Шульгина**

Помещичьи инструкции как источник изучения повседневной жизни дворянской усадьбы

В статье рассматриваются вопросы, связанные с повседневной жизнью русской дворянской усадьбы в конце XVIII – первой половине XIX века, особенности усадебной культуры этого периода, хозяйственного уклада дворянских загородных поместий.

Ключевые слова: усадьба; усадебная культура; повседневность; помещичьи инструкции.

Расцвет усадебной культуры в России относится к концу XVIII – первой половине XIX века. Именно в этот период дворянские поместья превращаются в центры культурной, экономической и политической жизни, становятся воплощением представлений владельцев об идеальном мироустройстве, символом золотого века российского дворянства.

Расцвет усадеб связан с эпохой возвышения русского дворянства. Корни этой культуры — в новой жизненной философии, которая пришла на смену придворной беспринципности елизаветинского царствования. В семидесятые годы XVIII века, отчасти под влиянием французской философии, обесцениваются идеалы светской суеТЫ. Экономическая самостоятельность дворянства и укрепление его прав также способствуют созданию идеала усадебной жизни.

Усадьба — это своего рода модель мироздания с характерным набором культурных форм, типов и образов. Усадебное пространство при внешнем разнообразии художественных явлений всегда было четко структурировано и замкнуто на себя, обеспечивало весь цикл жизни: хозяйственные работы, праздники, богослужения, повседневные заботы. Только с петровского времени в России появляются загородные увеселительные резиденции, роскошные дачи по европейскому образцу, часто превосходящие по богатству и великолепию городские дома (такие как подмосковные Кусково, Архангельское и др.), приспособленные главным образом для господского жилья, охоты и других увеселений, но даже в них в том или ином виде существовал хозяйственный комплекс. Провинциальные же поместья служили в первую очередь экономическим интересам своих владельцев.

Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» 1762 года, освободивший дворян от обязательной военной службы,

и Жалованная грамота дворянству 1785 года, давшая им значительные словесные и имущественные привилегии, способствовали развитию дворянских усадеб. Помещики получили возможность подолгу жить в своих владениях, непосредственно наблюдать за хозяйством, обустраивать свои владения по собственному вкусу. Мелко- и среднепоместные дворяне проводили в усадьбах большую часть времени, но и те, кто поступал на военную или гражданскую службу, часто бывали в своих поместьях в летние месяцы. Эта часть дворянства, как правило, более активная и образованная, сочетала в своей повседневной жизни традиционные черты усадебной культуры и новейшие модные веяния.

Архитектурно-парковые комплексы загородных усадеб часто повторяли по своей структуре царские резиденции. Это объяснялось не только желанием следовать примеру коронованных особ, наоборот, дворянству этого времени зачастую было присуще стремление к независимости от верховной власти. Замкнутость усадебного мира позволяла владельцу поместья чувствовать себя полновластным хозяином, почти царем в своем имении, а главное здание усадьбы и было своего рода дворцом, самой важной частью комплекса, вокруг которой группировались основные постройки [2: с. 7–20].

В первой четверти XIX века архитектура усадебных зданий подчинялась строгим канонам классицизма, продолжая традицию конца XVIII века. Центром поместья был господский дом, рядом с которым располагались флигели. Дом и флигели могли составлять центрическую (Талицы, Волынщина) или трехчастную (Пехра-Яковлевское) планировку [6: с. 232]. Двор, ограниченный фасадами стоящих по его периметру зданий, вызывал ассоциации с городской площадью, что делало усадьбу с ее многочисленными хозяйственными и жилыми постройками похожей на маленький город. Здесь уместно вспомнить о том, что градостроительный аспект был очень важен для архитектуры классицизма.

Классический стиль, как правило, использовался при декорации парадных фасадов. Даже во второй четверти XIX века, когда в архитектуре в противовес классическому стилю начинает господствовать историзм с его многообразием форм, провинциальные усадьбы по-прежнему строятся с использованием симметричных планов и ордерного декора фасадов, который воспринимается как черта, характерная именно для дворянской культуры. Более того, загородные резиденции представители купечества строят в классическом стиле, осознанно подражая образцам культуры высшего сословия.

В то же время изменяется внутренняя структура помещений. Если в первой четверти XIX века сохранялась традиция анфиладной планировки с четким разделением на парадные и жилые помещения, то ближе к 1850-м годам основное внимание начинает уделяться рациональному использованию пространства и комфорту, комнаты группируются вокруг наиболее значимых помещений, в число которых, помимо традиционных залы и диванной, с начала XIX века входят мужской и женский кабинеты, которые были одновременно и парадным, и рабочим пространством.

Во многих усадьбах владельцы устраивали кунсткамеры — шкафы, в которых размещались военные трофеи и различные диковинки, необычные вещи. Стены дома украшались гравюрами и произведениями живописи, а с 1840-х годов — модными видовыми дагерротипами. Во всех усадьбах существовали более или менее обширные собрания картин. Они подбирались по сюжетам или составлялись из произведений одного художника. Во всех усадьбах можно было найти семейные портретные галереи, именно им, главному свидетелю знатности и древности рода, отдавалось основное предпочтение при декорации интерьеров. И состав, и уровень исполнения полотен были очень различными. В большинстве случаев у небогатых помещиков это было несколько портретов ближайших родственников кисти крепостного художника. Но в портретные галереи родовитого дворянства (Шереметевых, Долгоруковых и др.), насчитывавшие множество изображений, часто входили произведения известных русских или иностранных мастеров.

Не менее важным было оформление пространства вокруг главного дома. Подъездные аллеи и парк играли существенную роль в создании образа усадьбы наряду с архитектурной композицией.

Часто в оформлении подъездов к усадьбе встречаются обелиски. Так фиксировалась ось аллеи, например, в Ольгове или в Петровском-Алабине. Помимо роли в композиционной структуре они выполняли и другую функцию — служили напоминанием о ратных подвигах владельца усадьбы.

При планировке усадебных парков часто применялась схема, при которой фиксирующая ось ансамбля подъездной аллеи продолжается и позади здания [6: с. 233]. Так построен парк в Петровском-Алабине, Введенском и многих других подмосковных усадьбах. Иногда перед садовым фасадом помещалась круглая клумба или фонтан, как в Волынщине. Для паркового строительства эпохи классицизма было важным распределять посадки таким образом, чтобы они производили впечатление естественных. Парк как бы незаметно переходил в окружающую его природу, не тронутую рукой архитектора или садовника. В то же время растения являлись основным изобразительным средством. Их подбор и расположение, различная форма стволов и крон, листва и цветы всевозможных оттенков должны были создавать разные пейзажные картины, меняющиеся в зависимости от времени года и точки зрения. Эти картины были призваны волновать, создавать различные оттенки настроения — от радости до грусти. Между особо эффектными видами вводились «паузы», «остановки». Учитывались все возможности, которые предоставлял рельеф местности и особенности архитектурных сооружений. Кроме того, парк несет на себе отпечаток личности хозяина и, следовательно, заказчика усадьбы. Это могло проявляться во внешних признаках, например, в тематике парковой скульптуры. Важно было подчеркнуть то настроение, которое должен был создавать тот или иной парк. Заметное место среди открывающихся перспектив занимали виды на хозяйственные угодья. Усадебный дом и другие постройки были слиты

воедино с природным окружением и образовывали целостный и гармоничный ландшафтно-архитектурный комплекс. Заметим, что хозяйственные постройки (амбары, конюшни и т. д.) и усадебная церковь не включались непосредственно в видовые панорамы, «скрывались» от взгляда, чтобы не нарушать планировочную структуру парка.

В то же время именно хозяйственная часть занимала основную площадь территории усадьбы. И в большинстве загородных усадеб хозяйственная жизнь была неотъемлемой составляющей повседневного быта имения, основным источником для изучения которого служат инструкции, или указы, — документы, которые составляет помещик для своего приказчика или управляющего вотчиной. В них детально прописываются обязанности приказчика, даются различные рекомендации по хозяйственной части, как управляться с крепостными крестьянами, наказывать и поощрять их. Подобных помещичьих инструкций сохранилось не так много — к рассматриваемому периоду относятся 10 документов. Они дают достаточно полную и объективную картину повседневной хозяйственной жизни помещичьей вотчины.

Среди них четыре наказа небольших по своему объему (2 листа). Это «Инструкция о круге обязанностей конторы вотчинного правления» помещиков Строгоновых (РГАДА. Ф. 1278. Строгоновы. Оп. 2. Д. 4080. Л. 1–2 об.), датируемая 1813–1814 годами; инструкция Щербатовых 1817 года (РГАДА. Ф. 1289. Щербатовы. Оп. 1. Д. 772. Л. 1–2); наказ И.Ф. Голицына 1823 года [3: с. 276–280] и инструкция новому приказчику Н.А. Бахметева 1832 года (ЦИАМ. Ф. 1845. Бахметевы-Толстые. Оп. 3. Д. 62. Л. 1–2 об.). Краткость первых трех инструкций объясняется тем, что в них рассматривается не весь комплекс проблем, связанных с функционированием сельской вотчины, а только по одному вопросу, касающемуся отдельной стороны жизни имения.

В наказе Строгоновых рассмотрен вопрос об обязанностях конторы вотчинного правления в целом и обязанностях приказчика в частности. В самом названии данной инструкции четко отражено ее содержание. Несмотря на небольшой объем, наказ разделен на статьи, некоторые из которых поделены даже на пункты. Этот факт говорит о том, что написание подобного рода документов для помещиков первой половины XIX века становится настолько привычным, что автору не составляет труда разделить даже самый маленький по своему размеру текст на параграфы или статьи, посвященные отдельным вопросам.

По инструкции Строгоновых вотчинный приказчик должен был наблюдать, кто из крестьян и по каким причинам впал в бедность. Если крестьянин обеднел из-за своего пьянства или лени, ему сначала делается выговор, а потом на него налагается штраф. Строгоновы в своей инструкции запрещают приказчику единолично, без рассмотрения вотчинной конторы решать вопрос о том, сколько из оброчных денег нужно оставить в вотчине, ограничивая тем самым его произвол, хотя многие другие вотчинники оставляли этот вопрос полностью на откуп приказчика.

В наказе Строгоновых перечисляются также традиционные для всех инструкций обязанности приказчика: надзор за мельницами, полевыми работами, устроенными в вотчинах фабриками и т. д. Интересно то, что Строгоновы в своем наказе даже определяют количество скота, которым может владеть приказчик, так как излишек животных требует большой заботы и будет отвлекать приказчика от его обязанностей. В случае ослушания предписывалось отнимать у приказчика излишек скота и продавать в пользу господина. Норма скота была следующей: «по одной корове, по три овцы, по одной свиньи и птиц племенных по пяти» (РГАДА. Ф. 1278. Строгоновы. Оп. 2. Д. 4080. Л. 2). Данная норма действительно являлась минимальной.

Последняя статья инструкции Строгоновых, так же как и большинство остальных, проникнута заботой о крепостных крестьянах и их материальном благополучии. В ней предписывается приказчику держать три господские лошади для того, чтобы крестьяне не терпели убытков из-за предоставления подвод. Сено для лошадей должны заготавливать крестьяне.

Инструкция Щербатовых 1817 года, подобно наказу Строгоновых, охватывает только один аспект жизни вотчины — мирские сходы крестьян. Князь Д. Щербатов был крайне удивлен, когда узнал о том, что в его вотчине «издревле» не собирались мирские сходы, и решил написать наказ о том, как часто их нужно собирать, кто в них должен участвовать, как они должны проводиться. Для удобства восприятия и исполнения его указаний автор делит свою небольшую (в 2 листа) инструкцию на 12 пунктов. Наказ написан на листе большого формата, сложенном вдвое на внутренней стороне. Внизу стоит дата и подпись: «Князь Дмитрий Щербатов» (РГАДА. Ф. 1289. Щербатовы. Оп. 1. Д. 772. Л. 1 об. — 2).

В наказе И.Ф. Голицына 1823 года рассматривается вопрос о переводе крестьян с барщины на оброк. Голицын, как видно из его инструкции, хотел таким способом облегчить положение своих крепостных и дать им некую свободу действий. Он пишет в своем наказе: «сходно единогласному желанию, всеми крестьянами мне изъявленному, и чтобы еще более улучшить состояние их и дать каждому свободу, располагая собою, употребить все способы и средства к приобретению хлебопашеством и промышленностью выгод, я уничтожаю всей вотчине господское хлебопашество» [3: с. 276].

Инструкция Н.А. Бахметева 1832 года, как и три вышерассмотренных наказа, небольшая по своему объему (2 листа). Однако ее краткость объясняется постоянным присутствием самого помещика в вотчине, вследствие чего отпадала необходимость давать приказчику детальные указания по всем сельскохозяйственным делам, так как он мог ежедневно согласовывать свою деятельность с самим помещиком.

Все остальные инструкции первой половины XIX века очень большие по объему. Их размеры варьируются от 34 листов (наказ Мещерских 1820 года (РГАДА. Ф. 1378. Мещерские. Оп. 1. Д. 739. Л. 1–34)) до 400 страниц (инструкция У. Карповича 1837 года [4]). Все эти указы имеют сложную внутреннюю

структуру. Они делятся на главы, книги, уставы или отделения, которые, в свою очередь, подразделяются на статьи, пункты или параграфы.

В этих инструкциях рассматривается традиционный для первой половины XIX века круг вопросов. Первые главы наказов, как правило, посвящены вотчинному правлению: его составу, структуре, обязанностям сельских начальников. В инструкции Мещерских, которая разделена на отделения, статьи и пункты, вотчинное правление рассматривается во втором отделении. Первое отделение данного наказа посвящено описанию вотчины, которое включает в себя: описание всех деревень с количеством тягл крестьян, число душ мужских и женских в каждом селе, перечисление земельных угодий (лугов, лесов, реки и т. п.). В инструкции Строгоновых 1823 года (РГАДА. Ф. 1278. Строгоновы. Оп. 2. Д. 4232. Л. 1–119), разделенной на уставы, главы и параграфы, вотчинному правлению посвящен первый устав, который так и называется: «Устав поместного управления». В другом наказе помещиков Строгоновых (РГАДА. Ф. 1278. Строгоновы. Оп. 2. Д. 4294. Л. 1–63), датированном 1827 годом и разделенном на главы и параграфы, системе вотчинного управления отводится целых три главы. Первая и вторая главы названы соответственно: «Состав главного управления» и просто «Главное правление». Во второй главе рассматриваются обязанности членов главного правления, заведующего всеми вотчинами помещиков Строгоновых. Седьмая глава «О сельских начальниках». В ней повествуется о сельских начальниках, которые должны быть в каждой вотчине, об их обязанностях и полномочиях. Сельские начальники отдельных вотчин находились в подчинении главного вотчинного правления.

Наказ У. Карповича, точно так же как инструкция Строгоновых, делится на главы и параграфы. Вотчинному правлению в нем посвящены две главы. В первой — рассматриваются обязанности сельских начальников: управляющего, бурмистра, сборщика, старост, конторщика, десятского. Во второй главе перечисляются качества, которыми должны обладать перечисленные сельские начальники, а также способы, с помощью которых можно достичь большего порядка в вотчинном хозяйстве и получить максимальную прибыль.

Вопросы вотчинного правления занимали центральное место в помещичьих инструкциях первой половины XIX века. Ведь именно правильная организация разросшегося к началу XIX века вотчинного аппарата правления способствовала рациональному ведению помещичьего хозяйства и получению экономических выгод. В наказах подробно описывается структура вотчинного правления, четко оговариваются обязанности всех сельских начальников, подробно перечисляются все деловые и нравственные качества, которыми должны обладать все члены вотчинного правления.

Важное место в помещичьих инструкциях первой половины XIX века занимали вопросы, касающиеся крепостных крестьян: управления ими, сбора податей, несения ими повинностей. Все эти вопросы были объединены в отдельные главы. В разных наказах главы, посвященные управлению крепостными

крестьянами, озаглавлены по-разному. Например, в инструкции У. Карповича крепостным крестьянам посвящены две главы — 12 и 13. В двенадцатой главе рассматриваются вопросы, связанные с крестьянскими податями, составлением подворных описей, доходами крестьян. Тринадцатая глава названа «Об улучшении нравственности крестьян и всех вообще господских людей». Эта глава представляет интерес с точки зрения этики хозяйствования.

У. Карпович наказывает управляющему «...стараться всеми силами искоренить в крестьянах развратную жизнь; приучая их к доброй нравственности, благочестию, поселять в них страх Божий и побуждать к исполнению предписанных христианской религией обязанностей, служащих верным путем к достижению благоденствия» [4: с. 265]. Анализируя наставления Карповича, можно сделать вывод о том, что в первой половине XIX века нравственность и религиозность подчиняются и служат идеям рационализма. В данном случае, например, страх Божий упоминается не как чисто нравственная добродетель, а как средство предотвратить развратную жизнь крестьян.

У. Карпович пишет: «Управляющий, пекущийся об устройстве имения и об увеличении доходов, обязан, во-первых, обратить своё внимание на состояние крестьян» [4: с. 264]. Здесь имеется в виду, прежде всего, нравственное состояние крестьян. Таким образом, по мнению У. Карповича, благосостояние крестьян напрямую зависит от их нравственного состояния. Это и объясняет тот факт, что в наказе второй четверти XIX века отводится так много места нравственному и духовному воспитанию крестьян. В своей инструкции У. Карпович приказывает управляющему следить за тем, чтобы крестьяне не работали в праздничные дни, ходили в церковь, исповедовались, причащались, молились перед началом нового дела.

«Чаще внушайте крестьянам склонность к порядку, любовь к трудолюбию, и терпение, что только истинное исполнение заповедей Божьих может сделать нас благополучными», — пишет У. Карпович своему управляющему [4: с. 265].

Сразу после указаний управляющему следить за нравственным и духовным состоянием крепостных крестьян помещик переходит к практическим хозяйственным рекомендациям. Он пишет: «Стараться, чтобы поля их (крестьян) были лучше удобряемы, распространять ремесла и орудия к открытию новых источников дохода; входить в их нужды, особливо пострадавшим от неурожая, пожара, скотского падежа и т. п. несчастья; словом быть отцом крестьянам и печься о благе их столько же; сколько о своем собственном» [4: с. 26–266]. В данном случае У. Карпович сочетает в своем наказе традиционные патриархальные черты хозяйствования, упоминая о том, что управляющий должен быть отцом крестьянам, и рационализм нового времени, заключающийся в заботе о материальном благополучии крестьян и недопущении их разорения.

Свои рассуждения по поводу зависимости благосостояния крестьян от их нравственности У. Карпович завершает следующим выводом: «Тот, кто помышляет об увеличении дохода, прежде всего, должен обратить внимание

в исправление нравственности, и возвышения благосостояния крестьян» [4: с. 266]. Этот постулат он адресует не только своему управляющему, но и всем предполагаемым читателям своего наказа.

Высказывания У. Карповича о пьянстве крестьян напоминают афоризм. «Праздность есть мать пороков, а пьянство корень всех зол», — пишет он в своей инструкции [4: с. 266]. После такого безапелляционного утверждения автор наказа подробно объясняет управляющему, как наказывать крестьян за пьянство. Он пишет: «За пьянство и праздность следовало наказание, совершаемое при всех сельских начальниках и обязательно записанное в “дневную книгу”» [4: с. 266].

В рассматриваемой главе наказа У. Карповича есть отдельный параграф озаглавленный «От чего именно крестьяне приходят в бедность и нищету» [4: с. 267]. Здесь автор инструкции по пунктам перечисляет причины бедности крестьян, и на первом месте у него стоят нравственные причины. Под пунктом «а» в качестве причин бедности крестьян он указывает «развратное поведение, худой нрав, пьянство и чрезвычайную леность» [4: с. 267].

В пункте «б» названы следующие причины: «дурное обрабатывание некоторыми своих полей; поздний посев хлеба, особливо, где мало земли, да и та тощая, а удобрить нечем» [4: с. 267]. В пункте «в» перечислены причины, связанные с несчастными случаями: «продолжительная болезнь, неурожай, падеж скота и лошадей, а также пожары» [4: с. 267].

Пункты «г», «д», «ж», «з», «и» посвящены причинам бедности крестьян, зависящим от самого помещика или его управляющих и приказчиков. Здесь У. Карпович называет следующие причины: «чрезмерные беспорядки в барщине и излишество работ. Когда крестьянину дают на собственную работу во всю неделю только один день. Чрезвычайно тяжелые оклады и поборы, кои часто требуют с крестьян» [4: с. 267–268]. Из всего перечня причин бедности крестьян, которые привел У. Карпович, можно выделить две основные. Это, во-первых, нравственность и поведение крестьян, а во-вторых, неумелое управление крестьянами, чрезмерные поборы и барщина, не дающие развиваться крестьянскому хозяйству. Именно в этих двух направлениях предлагает активно работать управляющим и другим сельским начальникам автор наказа.

Отдельный параграф 13 главы инструкции У. Карповича посвящен нищим. В этом параграфе автор наказа запрещает нищим крестьянам ходить по дворам и просить милостыню. Он предлагает наделить их хлебом из господских закровов или отправить кормиться к родным. Это очередная мера поддержания порядка и благопристойности в вотчине.

Следующий параграф наказа имеет такой заголовок «Как бедных крестьян можно поправить» [4: с. 268]. Здесь У. Карпович предлагает выбрать из бедных крестьян людей доброго поведения и дать им зерно для посева, скот и освободить на год от податей. Он пишет: «Если крестьяне бедны, то они не в состоянии исправно исполнять господские работы и тогда ни эта книжка, ни введение

иностранных систем не могут оказать помощи» [4: с. 271]. Далее У. Карпович предлагает экономические меры, которые могут способствовать поправлению крестьянских хозяйств. Например, он советует запретить крестьянам продавать свой хлеб за бесценок, а ждать когда на него поднимутся цены, тогда крестьяне будут обеспечены и не станут брать зерно из господских амбаров.

Самого бедного, но трудолюбивого крестьянина У. Карпович советует посадить на плодородную землю, которая в его руках может сделаться источником значительных доходов. Предложенные автором инструкции меры, основанные на принципах рационализма, способствуют как материальному благополучию крестьян, так и экономическому процветанию помещика.

У. Карпович, как и В.С. Строгонов и другие крупные землевладельцы первой половины XIX веков, запрещает крестьянским семьям производить разделы, объясняя это тем, что большим семейством легче обрабатывать землю. Разделам крестьянских семей он посвящает отдельный параграф своего наказа.

В своей инструкции У. Карпович, как и многие другие помещики, регламентирует личную жизнь крестьян. В его наказе есть, например, параграф с таким названием «О порядке в распоряжениях свадьбами» [4: с. 275].

У. Карпович запрещает отдавать девок замуж в чужие села и деревни, требует от управляющего иметь в конторе книгу для регистрации всех браков. Кроме таких формальных и строгих предписаний, в этом параграфе обозначены и льготы для молодых. Новобрачные освобождались на целый год от всех работ и оброков.

Следующий параграф наказа У. Карповича «О разбирательстве крестьян и удовлетворении обиженных» [4: с. 277]. Дела и ссоры между крестьянами автор инструкции поручает разбирать управляющему и велит ему записывать все дела в шнуровую книгу следующим образом: «в первом столбце принесенная жалоба; во втором: разбирательства одной и другой стороны при сельских начальниках, а в третьем решение, предписанное управляющим; дабы всегда можно было ясно видеть все жалобы крестьян и по оным сделанные удовлетворения» [4: с. 277]. Такое ведение крестьянских дел во многом предотвращало произвол приказчика над крестьянами. В личных архивах помещиков встречаются тетради с записями о разбирательстве крестьянских дел и наказаниях крепостных. Большинство их составлены по такому же принципу, какой описывает в своем наказе У. Карпович.

В другом параграфе автор инструкции подробно описывает, как наказывать крестьян и какие наказания предпочтительнее. Он советует управляющему по возможности избегать физических наказаний и допускать их только в качестве примера другим крестьянам. Вопрос о телесном наказании имел право решать только сам управляющий, а наказание должно было производиться не иначе как в конторе в присутствии всех сельских начальников и приглашенных трех стариков.

У. Карпович советует: «Более стараться употреблять наказания другого рода, как-то: земляные работы, внеочередные подводы и тому подобное»

[4: с. 278]. В данном случае даже наказание крестьян производится с таким расчетом, чтобы они приносили пользу и экономическую выгоду. Бессмысленное физическое истязание крестьян рациональный У. Карпович рекомендует свести к минимуму и прибегать к нему только в качестве назидания остальным крепостным.

Наказы зародились и развивались в рамках крепостнической системы. Они дают исчерпывающую информацию о том, как управлять крепостнической вотчиной, и эволюционируют только в этом направлении. Авторы инструкций не представляют себе существования вне системы крепостного права и иных методов хозяйствования, не связанных с крепостничеством. Философия рационализма не шла дальше крепостничества. Помещики в своих инструкциях искали и находили рациональные методы хозяйствования, управления крестьянами только в рамках крепостной системы.

Последний третий блок вопросов, рассматриваемый в наказах первой половины XIX века, касается сельской экономики. Здесь разбираются проблемы, связанные с земледелием, скотоводством, птицеводством, лесоводством, пчеловодством и т. д. Как правило, помещик в своей инструкции дает управляющему подробные указания по всем вышеперечисленным вопросам, тщательно прописывая практические сельскохозяйственные наставления.

Обстоятельность изложения сведений о ведении сельского хозяйства в инструкциях первой половины XIX века объясняется развитием русской агрономии и активным заимствованием зарубежного опыта в этой области. Русские землевладельцы в своих наказах стремились поделиться с управляющими и приказчиками приобретенными знаниями по сельскому хозяйству.

Общественное мировоззрение, ценности и идеалы рассматриваемого исторического периода, как в зеркале, отражаются в помещичьих наказах наряду с индивидуальным мировоззрением их авторов.

Литература

1. *Бондаренко И.А.* Архитектура русской усадьбы. М.: Наука, 1998. 432 с.
2. *Дворянские гнезда России. История, культура, архитектура.* М.: Жираф, 2000. 384 с.
3. *Довнар-Запольский М.В.* Материалы для истории вотчинного управления в России. Голицын И.Ф. Положение для крестьян Ефимовской вотчины села Михайловского и деревни Варваровки // Университетские известия. 1910. № 11. С. 276–280.
4. *Карпович У.* Хозяйственные опыты 30-летней практики, или Наставление для управления имениями. СПб.: Типография И. Воробьева, 1837. 442 с.
5. *Охлябинин С.Д.* Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. М.: Молодая гвардия, 2006. 347 с.
6. *Шульгина Д.П.* Парк усадьбы Волинщина // Русская усадьба. 2002. № 8. С. 230–238.

Literatura

1. *Bondarenko I.A.* Arxitektura russkoj usad'by'. M.: Nauka, 1998. 432 s.
2. *Dvoryanskie gnezda Rossii. Istorija, kul'tura, arxitektura.* M.: Zhiraf, 2000. 384 s.

3. *Dovnar'-Zapol'skij M.V.* Materialy' dlya istorii votchinnogo upravleniya v Rossii. Goliczy'n I.F. Polozhenie dlya krest'yan Efimovskoj votchiny' sela Mixajlovskogo i derevni Varvarovki // Universitetskie izvestiya. 1910. № 11. S. 276–280.
4. *Karpovich U.* Hozyajstvenny'e opy'ty' 30-letnej praktiki, ili Nastavlenie dlya upravleniya imeniyami. SPb.: Tipografiya I. Vorob'eva, 1837. 442 s.
5. *Oxlyabinin S.D.* Povsednevnyaya zhizn' russkoj usad'by' XIX veka. M.: Molodaya gvardiya, 2006. 347 s.
6. *Shul'gina D.P.* Park usad'by' Voly'nshhina // Russkaya usad'ba. 2002. № 8. S. 230–238.

O.G. Firsova,
D.P. Shulgina

Landowner Instructions as a Source of Study of the Daily Life of a Noble Manor

The article considers the issues related to the daily life of a Russian nobleman's estate in the late XVIII – first half of the XIX century, features of the estate culture of this period, the most important features of the economic structure of the noblemen's country estates.

Keywords: manor; manor culture; everyday life; landowner instructions.